

Годунов

ИСТОРИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

АЛЕКСАНДР
БУБЕННИКОВ

Годунов

КРОВАВЫЙ ПУТЬ
К ТРОНУ

МОСКВА 2018

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

Бубенников, Александр Николаевич.
Б90   Годунов. Кровавый путь к трону / Александр Бубенников. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-096884-8

Роман прекрасно дополняет масштабный исторический телепроект «Годунов» для канала «Россия 1».

Он содержит много малоизвестных фактов о блистательной и в то же время странной карьере Годунова.

Позиция автора романа не дает однозначного ответа, был ли Годунов «заказчиком» убийства царевича Дмитрия, но позволяет читателям самим ответить на вопрос: кем же был Годунов — детоубийцей и интриганом? Или великим государственным и созидателем?

Умирает первый русский царь Иван Грозный, и на престол по закону престолонаследия восходит его сын Федор. Но Федор — не умен и безволен и управлять Россией явно не способен. Свято место пусто не бывает. Молодой боярин Годунов, путем интриг вошедший в круг высшей государственной элиты, сумел быстро и полностью захватить власть в свои руки. Он строил города, возвращал потерянные в войнах русские земли, заключал с соседними государствами мирные договоры и уже подобрался к вершине всеобщей любви и славы, как вдруг при странных обстоятельствах погибает единственный законный наследник престола — малолетний царевич Дмитрий, который должен был вскоре занять царский трон. Что это? Случайность? Или жестокий замысел Годунова? Народ не верит в случайность. Боярин Василий Шуйский начинает расследование гибели юного царевича...

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096884-8   © Бубенников А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ГЛАВА 1

К середине марта 1584 года, когда безмолвствующий в печали двор со дня на день ждал смерти своего государя, когда повсеместно по всей огромной стране во всех монастырях и церквях молились о здравии и продлении жизни Грозного, виновного в опалах и гибели невинно избитых и загубленных, состояние его внезапно улучшилось... К угасающему на глазах всех придворных царю неожиданно и бурно прихлынули вроде как безвозвратно покинувшие его жизненные силы — и уже это одно многими придворными было расценено как чудо и тайный добрый знак свыше...

Зашептались промеж собой об этом явленном чуде в кремлевском дворце ревностные придворные печальники и богомольцы за царево здравие, искренние и лицемерные:

— ...Значит, до Господа дошли слова всенародной молитвы подданных государя за его здравие...

— ...Не оставили, выходит, Пречистая Богородица, Святой Никола Чудотворец и многие святые отцы, вняв молитвам самого государя...

— ...Заслужил венценосец небесного прощения своим искренним покаянием за грехи содеянные...

— ...Может, и заслужил самодержец — болезни-то по грехам, а исцеление по покаянию...

— ...Наверное, каялся сильнее, чем грешил...

— ...Это верно, сильнее его грешить невозможно...

— ...А каялся он, действительно, сильно и безмерно... Вот и пересилил покаянием грехи тяжкие...

— ...Только к грехам своим святых отцов не присовокуплял, а к покаянию своему все церкви и монастыри присовокупил... Потому и пересилил...

— ...Неужто и впрямь из гроба, с того света можно уползти?.. Неужто можно и крышку гроба сдвинуть над собой, и могильную землю над собой руками разбросать?..

— ...Значит, можно и с того света смыться, если силы в себе почуют и от лекарств дохтура Эйлафа отказаться...

— ...И от смертной болезни удрать можно, к радости сына Федора, его супруги Ирины и ее брата, любимца государева боярина Бориса Годунова...

— ...Заскучает Богдан Бельский, родич Годуновых, без дела, раз выздоравливающий государь не будет теперь из его рук заморские лекарства принимать...

Все при дворе знали, что состояние Грозного сильно ухудшилось за последнее время, с резким кризисом в конце февраля, когда из-за обострения болезни — «что по грехам учинена» — в го-

сударевых аудиенциях было отказано английскому послу Боусу, а также польскому послу. Царя в последнее время лечили с помощью своих редких заморских лекарств английский врач Якоби, а потом знаменитый фламандский лейб-медик Эйлаф. Но при дворе знали и странную причуду государя: при высочайшем уважении и полном доверии к знатым иностранным докторам, он уже с давних пор принимал вовнутрь все снадобья только из рук своего худородного любимца Богдана Яковлевича Бельского под надзором боярина Бориса Федоровича Годунова ...

Грозный выделил Бориса Годунова и Богдана Бельского еще со времен разгара опричнины, когда их ввел в особое цареве окружение близкий родственник Богдана, свирепый Малюта Скуратов-Бельский. Началу придворной карьеры юного Бориса, родившегося в 1552 году, способствовал дядя Дмитрий Васильевич Годунов, занимавший должность «постельничего» при дворе царя. Именно постельничий, помимо многих хозяйских забот, занимался охраной царских покоев, что в тревожные и опасные времена опричнины, заговоров и противостояний внешних и внутренних приобретало первостепенное значение. Юный Борис Годунов начинал свою бурную придворную карьеру сначала в свите старшего сына Грозного, Ивана Ивановича (1554–1582), под началом Василия Петровича Захарьина-Яковлева. Какое-то время Годунов, даже при протекции постельничего дяди из дружеских, даже братских отношений с царевичем Иваном, оставался фигурой неприметной. Только в 18 лет он сделал первую решительную попытку возвышения, свое-

го наивного взлета «в высокие круги» при дворе: рядовой, но амбициозный опричник женился на дочери первого опричника царя Малюты Скуратова, Марии. Царь Иван Грозный обратил внимание на Бориса и приблизил его к себе, когда тот вместе с тестем Малютой Скуратовым способствовали осенью 1571 года в Александровской слободе очередному, третьему браку царя с Марфой Собакиной, приходившейся родственницей Малюте. Но царица Марфа, на свадьбе которой Борис был дружкой, всего через 15 дней после свадьбы скоропостижно умерла, официально двором было объявлено, что юную царицу извели ядом. Тесть Малюта и зять Борис тем временем принялись укреплять свое положение при дворе новыми брачно-родственными союзами: в том же 1571 году первый наследник царя, царевич Иван Иванович, сыграл свадьбу с близкой родственницей Бориса Годунова, Евдокией Сабуровой, а в 1575 сестра Бориса Ирина стала супругой царевича Федора. Через три года Грозный пожаловал своего родича Бориса придворным чином кравчего, ответственным за стольников, подающих еду и напитки, а затем и боярским званием.

Возвышение Богдана Бельского также было связано с первым опричником Русского царства. После гибели во время ливонского похода в 1572 году жестокого «царева ока» Малюты государь приблизил к себе его родича Богдана, который возглавил сыскное ведомство и стал новым всевидящим оком царя. Последние 12 лет Богдан Бельский в качестве нового «царева ока» безмерно пользовался всеми милостями Грозного и заслужил такое особое положение при дворе, что

все лекарства во время тяжелой болезни царь принимал только из его рук. При дворе догадывались о тайных причинах такой причуды царя, вызванной безмерным доверием и расположением к Богдану Бельскому.

Всего год назад больной и преисполненный печали по поводу гибели престолонаследника, царевича Ивана, царь, услышав о смерти в Литве своего заклятого врага Андрея Курбского, изъявил нескрываемую радость — он пережил изменника, бывшего его лучшим другом детства и юности. Тогда-то Грозный и признался Годуну и Бельскому, что Курбский в пору далекой юности потряс его рассказами о пребывании в Золотой Орде его знаменитого праотца, святого благоверного князя Федора Ярославского и Смоленского. Золотоордынский хан, прежде чем выдать за русского князя свою дочку, испытывал его, посылая начальником русско-татарского войска против своих врагов, а сажая за общим столом на пирах рядом с собой, поручал наливать вина и напитки и подносить ему ханскую чашу... Вот и особую близость к царю получили особо доверенные кравчий — боярин Годунов и «подносящий лекарства» Бельский...

Посетовал горько Иван Грозный боярину Годуну и «цареву оку» Бельскому, что только одним тайным советом своего тогдашнего друга Андрея Курбского воспользовался: сам молился о здравии царицы Анастасии перед чудотворной иконой святого Федора с сыновьями Давидом и Константином и супругу обязал молиться и к ней прикладываться во время тяжелой болезни — и ведь полегчало одно время царице... Толь-

ко вторым советом ярославского князя царь не воспользовался... Знал ведь что-то тайное и темное о замыслах лихих отравителей-заговорщиков в окружении царицы Анастасии тогдашний лучший воевода Андрей Курбский, если вскользь, как бы невзначай, намекнул другу юности царю воспользоваться примером из жизни своего праотца, святого Федора и хана Золотой Орды. Что бы все лекарства во время своей тяжелой болезни царица Анастасия принимала только из рук царя... Незачем было Годунову и Бельскому слышать о том, что Курбский был неравнодушен к Анастасии, а про отношения хана-тестя и князя-зятя в Орде было сказано со смыслом: подносить чашу что с вином, что с лекарствами — это дело более ответственное, чем просто принимать что-то от доверенного лица...

Бельский, в отличие от Годунова, не был боярином земской Думы, которую возглавлял удельный князь Иван Мстиславский, но с видимым удовольствием, на ушко, «по большому секрету», пересказывал придворным историю о ханской чаше с вином и царской чаше с лекарством в самом выгодном для себя свете. Мол, разных бояр и вельмож тьма, а доверенных чашечников — единицы. Только он и Годунов. Царский двор, как последыш, отошедшей в небытие опричнины и противовес земской Думе, возглавляли Богдан Бельский, Борис Годунов и Афанасий Нагой, дядя шестой супруги Грозного Марии. Вот и любил напомнить многим боярам чашечник и «царево око» Богдан Бельский душераздирающие истории о том, как не раз государь, принимающий за морские лекарства из его рук в знак глубочайше-

го признания и доверия, несколько раз обличал главу боярской Думы Ивана Федоровича Мстиславского как государственного изменника и колодил публично посохом...

Чувствуя близкое дыхание своей смерти, Грозный решил примириться со всеми погубленными им людьми за время его правления. Еще не достигший дряхлой старости, еще временами бодрый и веселый духом, даже весьма пылкий в фантомных плотских вожделениях ума и сердца, он уже два года с обреченностью жалкого смертника думал о своем скором конце... С какого же дня, да и с какой же стати он задумал примириться со всеми загубленными, чтобы и они, и их губитель на небесах обрели покой души?..

Он вспомнил в тайных доверительных беседах с глазу на глаз с Годуновым и Бельским о том, что через четыре дня после совещания с земскими боярами, покинувшими Александровскую слободу, он написал им письмо о смертельной болезни сына: «...Которого вы дня от нас отъехали, и того дни Иван сын разнемогся и нынче, конечно, болен... а нам, докудово Бог помилует Ивана сына, ехать отсюда невозможно...» Значит, с девятого ноября 1581-го страшного для царя года — «докуда Бог помилует» или не помилует? — и задумался он о примирении со всеми загубленными им душами, когда их долгожданный первенец с царицей Анастасией, переживший мать и опередивший в своей смерти отца, еще был жив...

Только не помиловал Бог 27-летнего царевича после роковой ссоры с ним в день отъезда бояр из Слободы, что и вынудило Грозного прибегнуть к особой, даже удивительной форме царского по-

каения. «Впав в горячку» 9 ноября и проболев 11 дней, царевич Иван умер — вот эта последняя жертва собственного сына и подвигла несчастного отца к попытке засвидетельствовать о многочисленных предыдущих кровавых жертвах своего царствования, составить для облегчения совести списки тех, кто стал «Кроновой» жертвой по царской воле...

Грозный, как и Годунов, прекрасно знал, что Кронос — кровожадный отец олимпийского бога Зевса-Юпитера, пожиривший своих детей... У греков он символизировал верховную власть, которая мистически неумолимо и беспрепятственно влияет на любые сферы жизни. Символическое древнее изображение Кроноса в виде серпа указывало на его способность прекращать — скашивать, как траву! — любой акт творения, в том числе человеческую жизнь. Кронос — один из титанов, младший сын Урана, бога Неба, и Геи (Земли), — оскотив своего отца Урана мистическим серпом и тем самым лишив его способности творить живое, взял в жены титаниду Рею и родил от нее Зевса-Юпитера и других детей — богов третьего поколения. Из-за страха потерять власть и силу он проглатывал своих детей и держал в собственной утробе, потому и нарекли его «пожирателем собственных детей»... По иронии судьбы, Кроноса отождествили с Хроносом-Временем, способным поглотить в своем течении то, что им давно или недавно порождено...

Вот и помазанник Божий, наместник Бога на Руси, святой первый русский царь Иван Грозный пожирал вверенных Господом ему подданных, детей — потомков великих русских родов, а под ко-

нец своего царствования завершил мистическую трагедию «Кроновых пожираний» в последнем акте действия тем, что, вольно или невольно, оказался причастен к гибели собственного сына, «пожрав» царевича Ивана... Как тут не отяготиться муками совести?.. Как не задуматься о снятии с себя вины и облегчения души?.. Ибо все-таки русский человек, тем более князь, государь, воистину совестлив и стыдлив уже по определению, как бы он ни пытался в лихие годы и при лихих обстоятельствах приглушить свои муки совести и приступы стыда...

Русские летописцы на рубеже 1567–1568 годов в разгар террора опричнины надолго замолчали, но о смерти царевича — с ведома или без ведома царя — летописец записал: «Яко от отца своего ярости прията ему болезнь, от болезни же и смерть...» После кончины 19 ноября несчастный царевич Иван Иванович на третий день был погребен в кремлевской усыпальнице московских государей, в церкви Святого Михаила Архангела. Загубленный сын-царевич стал тяжким укором отцу в последние два года его жизни, отмеренные Хроносом-Временем и врагами династии «последних московских Рюриковичей». Как и сына-царевича, Хронос поглотит в своем течении и отца, первого царя Третьего Рима, порожденного им, Хроносом, боговенчанного на царство впервые в русской истории и уничтоженного раньше «отмеренного времени» врагами династии...

После гибели наследника осенью 1581 года государь от горя чуть не лишился последних остатков рассудка, хотя хорошо знающие его и выжившие в терроре опричнины придворные счи-

тали, что умом он сильно тронулся еще раньше, с кончины его любимой супруги Анастасии летом 1560 года. Как на похоронах царицы, так и на похоронах царевича царь с отчаянием и безумством раскаявшегося в своих винах и грехах грешника бился головой с пронзительным воплем о гроб и землю.

Через некоторое время после официальной церемонии похорон сына-наследника Грозный собрал бояр на совет и сказал им: «Десница Божья покарала меня, и мне ничего не остается, как кончить дни в одиночестве в монастыре. Мой второй сын Федор не способен управлять государством. Выберите сами достойного государя, я тут же отдам ему мой скипетр».

Только подозрительные бояре хорошо помнили, в какую жестокую смертельную ловушку в 1553 году попали посмевшие искать самостоятельно царского преемника на престоле, в каких умерли они муках — за многие, старые и новые прегрешения пред Отечеством — по воле не простившего их царя, решившего нынче постричься в монахи. Придворные так жалобно и настойчиво умоляли Грозного не отрекаться от престола — «Никого нам не надо, хотим тебя царем!» — что он в муках души и в крайней усталости вынужден был согласиться остаться на троне.

Помнил царь, что в стране по случаю гибели наследника-царевича был объявлен многодневный траур. Каждый день Грозный присутствовал на поминальной службе, наложив на себя покаяние... Об этом он доверительно рассказал Годунову, вспомнив и дружеские, братские отношения сына Ивана с Борисом, и то, что Годунов во вре-

мя ссоры царя с сыном, во время царского гнева, разымал их, подставляя под царский посох свои руки. Сначала сильно разгневался царь на вмешавшегося боярина, хотел наказать его, но быстро отошел, даже извинился перед Годуновым за вспыльчивость с видимым удивлением: «Надо же, не испугался против царя пойти в страшной ссоре отца с сыном. Значит, мой Иван тебе близок как друг...» — «Царевич Иван мне не только друг, но и брат мне... Не было у меня братьев... только одна сестра Ирина, что младше меня на семь лет... А твой сын Иван, царь, был мне как младший брат... Иван ведь на два года младше меня...»

Вспомнив этот разговор с Годуновым, Грозный поехал на покаяние в Троицкую обитель, взяв в тайные свидетели перед Господом боярина Бориса. Там царь, втайне от архимандрита и других важных лиц, призвал старика-келаря, заведовавшего кельями и наблюдением за их чистотой и порядком, и, встав перед стариком на колени, положил шесть глубоких поклонов в землю с горькими слезами и отчаянными рыданиями. Он упросил братию, чтобы его погибшему сыну Ивану в Троице была оказана особая честь — поминание «по неделям».

Вспомнил Грозный и о том, как без меры осыпал золотом монастыри, которые еще недавно попрекал лихоимством и богатством. За год до гибели царевича Ивана царь категорически запретил всем монастырям и иерархам-иосифлянам высшего духовенства приобретение любого имущества и богатства, тогда же он с укором написал епископу Казанскому Гермогену: «Священнослу-